

мелётовской фрески — лицо иного рода. По сторонам его головы сохранилась надпись, состоящая из двух слов и поясняющая — кто здесь изображен. Слева стоит слово „АНТЬ“, — это имя или часть имени музыканта, справа написано: „СКОМОРОХ“.

Итак, на мелётовской фреске мы находим едва ли не первое и единственное до XVII в. изображение скомороха в русской живописи. Это придает ей особый интерес и значение. Следует вспомнить, конечно, фигурки музыкантов-гуслиров, включенные в контур заглавных букв русских рукописных книг XIV—XVI вв. или изображенные на серебряных широких браслетах XII—XIII вв. Однако подобные орнаментализованные изображения схематичны, условны, и не могут идти в сравнение с живописным изображением мелётовской фрески, реалистичным, если не по стилю, то по точности передачи подробностей. Известна также миниатюра так называемой „Кенигсбергской“ летописи с изображением играющих на различных инструментах и пляшущих людей.¹ Но нельзя быть уверенным, что миниатюрист представил здесь профессиональных скоморохов, так как рисунок иллюстрирует рассказ летописи об обычаях радимичей, вятичей и северян, у которых „брацы не бывают“, но „игрища меж сел“ и „тоу оумыкаху жены собе“. Что касается музыкантов, акробатов и танцоров росписи (XI в.) лестниц Киево-Софийского собора, то изображения эти написаны не русским мастером, воспроизводят они не русский быт, и их нельзя рассматривать, как изображение русских скоморохов, что обычно делается.

Но можно ли сказать, что автор мелётовской фрески изобразил русского скомороха, а не повторил — как это часто бывало в искусстве средневековья — готовую композицию, созданную где-нибудь не только вне Псковской земли, но и за пределами Руси вообще? На подобный вопрос ответить было бы легче, если бы можно было сравнить мелётовскую фреску с другими, не русскими иллюстрациями того же сюжета. Однако изображение скомороха само по себе, как я полагаю, содержит указания на его, скомороха, происхождение.

Скоморох представлен молодым, почти юношей, что соответствует наименованию „веселые молодцы“, которое дают скоморохам былины. У него длинные волосы, пышно лежащие на голове — обычная манера изображения мужской прически в русском искусстве XIV—XV вв. Одет он в длинную, подпоясанную рубашку, с круглым вырезом у ворота, узкие штаны и высокие сапоги, т. е. в типичную русскую одежду, распространенную среди различных общественных слоев и хорошо известную по миниатюрам. Иллюстрации Кенигсбергской летописи, являющиеся своего рода энциклопедией древне-русского быта, изображают в подобной одежде людей различных общественных слоев и профессий: и каменщиков, строящих храм, и княжеских слуг, и „убо-

¹ Радзивилловская или Кенигсбергская летопись. Фотомеханическое воспроизведение рукописи. Изд. Общ. люб. др. письм., СПб., 1902, л. 6 об.